

О.С.Бердяева

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ НОВГОРОДСКОЙ ДЕРЕВНИ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА: «СТАРОЕ» И «НОВОЕ»

На материале архивных фольклорных записей рассматриваются динамические процессы, происходившие в повседневной жизни новгородской деревни первой трети XX века. Анализ бесед с информантами и их воспоминаний показал, что повседневность деревни изменяется небыстро, традиционные представления остаются базовыми для крестьянствующего человека. Повседневность в воспоминаниях, с одной стороны, показана в повторяемости нелегких будней, а с другой, как это происходит в «Очерке» Козырева, идеализируется, представая миром гармонии и рекомендуемой нормы.

Ключевые слова: повседневность, традиция, фольклор, воспоминания, устная история

Повседневность новгородской деревни первой трети XX века была связана с особенностями динамики социокультурных процессов, происходивших в этот период. Новое, доселе невиданное в крестьянском мире, связанное с цивилизационными процессами и прежде всего с тем, что приносил город, постепенно входило в крестьянский обиход. Вопрос в том, как поначалу это воспринималось и как вращалось в привычную жизнь. В рамках небольшой статьи, которая не претендует на большой охват материала, этот вопрос не решить, он требует более широкого исследования, однако наблюдения, связанные с изучением фольклорных архивных материалов, позволяют сделать некоторые выводы.

Крестьянский мир предметных, бытовых реалий, мир переживаний в основе своей долго оставался традиционным, наполненным символами и смыслами, почитаемыми еще дедами. Это подтверждают многочисленные записи бесед, где говорится о социально-бытовом устройстве жизни. Так, еще в 60-е годы XX века, например, в Пестовском районе в лес ходили с берестяными «заплешницами» [1, с. 307] для сбора грибов и ягод и в берестяных сапогах¹. Все это было свое, сделанное своими руками, а потому качественное. Экспедиции 80-х годов также фиксировали использование в повседневной жизни берестяных корзин.

Наблюдения над повседневной жизнью новгородской деревни, проводимые в течение многих лет в полевых экспедиционных условиях, лишь подтверждают, что традиционное в повседневном обиходе сохранялось, если не значительно, то отдельными, но важными чертами. Об этом говорят архивные экспедиционные материалы 1970-х — 2000-х годов (фольклорный архив Новгородского университета).

В «Предисловии» к академическому изданию «Традиционный фольклор Новгородской области» говорилось о том, что многое ушло из крестьянского обихода в связи с «уходом веры», например, в то, что исполнение песен способствует урожайности полей и плодovitости скота» [2, с. 6]. Против этого возражать трудно. Но вот с оценкой заговорной традиции, о которой было сказано, что она прервалась и заговоры «прекратили свое существование», согласиться нельзя. В 2008 году одна из информанток утверждала, что заговор — это повседневное. В беседе шел разговор о домовых, дворовых и наводящих в обыденной жизни страх инфернальных существах. Собеседница приводит тексты заговоров, называя их стишками, при этом говорит: «А так нечего бояться. Если только змея» (в лесу — О.Б.) Вот заговор на вход в лес: «Троица живоначалная, Христу животворящему, спаси и помилуй меня, от дневной напасти, он ночной былицы, ото всего вражества. Аминь». И добавляет: «Надо три раз проговорить. Никакая змея тебя не встретит». Далее разговор переходит на особенности заботы о домашних животных: «Вот овечку прогоняешь и с таким же стишком». Далее: «Вот еще выходишь утром-то... только двери-то открываешь, так прочитай: “Яко же с нами Господь впереди нас. Яко же с нами Господь впереди нас. Яко же с нами Господь впереди нас”. Это повседневное. Да и сам выходишь на улицу». Кстати сказать, распространенное в Новгородской области определение заговора «стишки» или «молитовки», говорит о широком повседневном их применении. Исследователи фольклора подтверждают тот факт, что архаичные по происхождению явления и традиции не только активно бытуют, но и развиваются в настоящее время [3]. То же можно сказать и об обрядах. Например, обход стада на Егория Вешнего, проводился пастухами до тех пор, пока в деревне стадо существовало. Фактом было то, что уже не работавшие пастухи в 90-е годы спокойно рассказывали о структуре и последовательности обряда, но не называли словесные формулы, заговорные тексты, которыми обряд сопровождался, или делали это неохотно. Последнее говорит о том, что сохранялась вера в действенность заговорного слова, а в этом случае естественным был запрет на сообщение сакрального текста чужому человеку.

Персональный рассказ представляет интерес и потому, что в нем делается попытка объективной оценки событий, и потому, что такое повествование характеризует личность, особенности индивидуального

¹ Берестяные сапоги. Автор статьи летом 1968 года видела в Пестовском районе (Новгородская область) берестяные сапоги, использовавшиеся в обиходе. Они не промокали, были легкие и удобные для хождения в лес. К сожалению, не осталось фото, подтверждающего этот факт.

восприятия событий человеком определенной эпохи. Такая устная история позволяет понять процессы, происходившие в традиционной культуре и в общественном сознании. В этих рассказах налицо установка на достоверность, но информация все-таки не может претендовать на достоверность исторического документа в силу избирательности памяти. Прошлое в таком случае всегда будет критерием прожитой вслед за тем жизни.

В фольклорном архиве НовГУ имеется копия текста воспоминаний (это 29 страниц машинописного текста) Александра Ивановича Козырева (1934 г.р.), относящихся к 1990 году, названных автором «Очерк о жизни Новгородской деревни (с терминологией, бытовавшей в русском народе до Второй мировой войны). Новгородская область, Мошенской район». Воспоминания были напечатаны в газете «Боровичский край» в 1992 году.

Александр Иванович Козырев подробно характеризует повседневную и праздничную жизнь деревни середины 40-х годов, останавливаясь подробно на местном празднике «Богородица», сохраняя местное наименование. Это Рождество Богородицы, которое отмечалось в советское время, несмотря на запреты, связанные со всем, что касалось церкви. Надо отметить писательский талант автора-рассказчика, человека грамотного, в некотором роде начитанного, умело ведущего рассказ-диалог, обладающий чертами фольклорного текста. В основе текста образы, характеризующие народное сознание и традиционные приемы народной прозы. Воспоминания Козырева вызваны желанием автора обозначить понимание времени и себя в нем, стремлением передать свои знания потомкам. Кроме собственных впечатлений, описывая реалии, автор опирается на рассказы бабушки, присматривается к тому, что делает и говорит его дед. В результате возможно представить крестьянский жизненный уклад начала XX века.

А.И.Козырев разделяет время на «старинное», о котором он знает по рассказам бабушки, «доколхозное», свидетелем которого он не был, «время большевистского командования» (30-е годы), время его детства (середина 40-х годов) и «теперь» — конец 80-х. Так повествование становится более емким и по охвату событий и по их оценке. В «Очерке» представлена и сопоставлена повседневность разных эпох. Время прошлого («старинное», «доколхозное») предстает единым и почти идеальным временем дедовой мудрости, общего труда «истинных хозяев земли» и надежд на будущее. Остальное — это когда «строили “коммунизм”», «пробовали, экспериментировали». «Старую “жизнь”» автор осмысливает как воплощенный идеал благополучной и в то же время духовной жизни, утраченной в советский период. Рассматривая повседневное через уклад жизни и взгляды крестьянствующего человека того времени и человека конца XX века, автор делает выводы не в пользу последнего.

Говоря о деревне, А.И.Козырев для разговора с читателем выбирает сюжеты, связанные с крестьянским земледельческим календарем, циклически повторяющиеся в крестьянской жизни: пахота, обработка льна, отбеливание холстов, сенокос. Это диктуется желанием рассказать о главном — о трудовой повседневности. Крестьянские работы не показаны легкими, но автор с упоением и подробно рассказывает о том, как пахали землю, убирали хлеб, как топили печь и ставили хлебы и какой особенный вид, вкус и запах имел домашний деревенский хлеб. Александр Иванович детально описывает, как варили пиво, как вкусна и разнообразна была еда и как величественна и обильна трапеза. Он вспоминает все это с любовью, выделяя эстетическую сторону явлений.

Автор восхищается глубоким пониманием природы и земли крестьянствующим человеком: «Дедушка часто ходил в поле и “щупал” землю. Пока подтаивали низкие края поля, бугры подсохли, земля немного прогрелась, вылезли “пестыши” (хвощ полевой). Однажды дедушка принес для нас полный карман “пестышей” и сказал коротко отцу: “Завтра пахать”». Далее следует рассказ о пахоте и севе. При этом земля вспахивается сохой, зерно разбрасывается из севалки. При этом автор утверждает, что такое «старинное» отношение к земле экологичнее. Хотя, по-видимому, скорее всего должно было бы сказать о сложном положении, в котором находилась послевоенная деревня. Реалии деревенской повседневности, о которых говорит автор, заставляют читателя задуматься и, по-видимому, оценить происходящее иначе, нежели повествователь.

Рассуждая о хлебе, Козырев спрашивает: «Что знает современный человек из всего того, что связано с хлебом? Он знает слова: хлеб, названия его разновидностей, ну, еще “битва за хлеб”, закрома Родины, как говорит Господин телевизор, и все. Не густо». Далее читатель погружается в повседневную языковую стихию деревни: «Теперь посмотрим, сколько слов знал самый “неграмотный” крестьянин: хлеб круглый, подовый, хлеб в формах, буханками, каравайка, колобушка, сочень, мякушка, шарик с медом, кокорка, ватрушка, мясник, рисник — пироги самые разные, оладьи (олашки), блины, гороховики, толчённики, клёцки...» Заметно, что автор воспоминаний увлекается. Понятно, что блины, оладьи и пироги известны и современному человеку.

Козырев подробно описывает традиционную домашнюю выпечку хлеба от приготовления муки с использованием ручных жерновов до момента выемки хлеба из печи «железным крюком, закрепленном на деревянной палке». Странно, что автор записок, человек внимательный, так называет предмет, которым вынимали хлеб из печи, вероятно, слово запямятовал, а образ предмета сохранился. На самом деле это была клюка или кочерга. «Мы ели горячий хлеб, слегка присолив, помазав льняным (произносили “альняным” маслом на аржаной хлеб)», — восхищается автор, при этом подчеркивая, что современному человеку такого хлеба не есть. И добавляет, что качество выпеченного хлеба «хозяин на вкус с закрытыми глазами угадывал». Действительно хлеб, испеченный в русской печи, имел особенный вкус.

Воспоминания касаются и того, как удобряли поля. В них воссоздается картина этого действа. Козырев описывает, как бабы и большие девки (это женская работа) навоз «нагребают» вилами на телегу и из стойлов, а

мы, ребяташки, вожжи в руках — правим лошадьми», направляя телеги к нужному месту. Затем люди разбрасывают навоз на землю, удобряя ее. И здесь автор не преминет восхититься. Читаем: «Дорогу и чужой человек по запаху узнает, куда она ведет. Правда, запах не тяжелый, больше прелой соломой пахнет, хоть и идешь рядом с возом». И далее подмечает: «А теперь-то к советскому свинару и за версту не подойти. Нос затыкай, не запах, а вонища. А всё ругали старину-то».

Повествователь выстраивает последовательную череду картин сенокоса, уборки клевера и мотания его не в стога, а в литвины (стога особой формы), жатвы, сбора ягод. При этом «любезный читатель», тот, к кому обращен очерк, снова погружается в лингвистические штудии автора, утверждающего красоту и неповторимость русского языка в его диалектном формате: «душмяный» — душистый, «шерстнатый» — не гладкий, шероховатый, «ўкусно» — вкусно, «эва» — вот, «мотри» — смотри, «в'ыздынуть» — поднять, «взапятки» — назад.

Значительное место в записках отведено рассуждениям о традициях гостеприимства как о «естественной дипломатии». Вот фрагмент: «Помню, как дедушка, встретив незнакомого человека, спросил: “Гоститься не хочешь?” — и развязал узелок с хлебом, огурцами и маленьким узелочком соли. Человек сказал: “Добро, добро, и ты попробуй моего”. Поели, поговорили, разошлись. Это была естественная дипломатия... Люди были равны в правах и одинаково вооружены. И у деда, и у прохожего были топоры за поясами». Гостеприимство в «Очерках» ярко представлено в описании праздничного гуляния, когда в деревне было особеннолюдно, когда в полном составе собирались семьи, когда стол с традиционной сменой блюд ломился от еды. При этом современный человек, тоже часто склонный к неумеренной трапезе в праздничные дни, вряд ли разделит восхищение автора праздничным крестьянским застольем, когда подают хлеб, пиво, наваристые зеленые щи с мясом, затем «другие щи из белой капусты», затем «белые щи с курятиной» и пшеничными «мякушками» «по 250—300 грамм», потом «суп с бараниной, с картошкой, морковкой, с макаронами», студень, который надо есть с капустными пирогами, далее следовали каша с коровьим маслом и пироги мясные или рыбные, затем «шли третьи блюда, которых было великое множество». Все это должно было быть обязательно съедено под неторопливый разговор.

Развернув эпическую картину крестьянской жизни в ее традиционном каждодневье, Козырев отмечает естественность и простоту отношений людей, глубочайшую связь крестьянина с природой, умение видеть ее красоту. И, несправедливо упрекая русскую классическую литературу в отказе изображать крестьянский мир, делает обобщение: «Ведь эти Тургеневы и Чеховы писали только о вздохах и ахах людей того времени, причем не крестьян, а больше бездельников, которых окружала величественнейшая природа».

Отрицательное отношение Козырева к той новизне, что связана с колхозной жизнью, с коммунарами проявляется в эпизоде сдачи сена государству в деревне Петрово (ныне Пестовский район). Весовая (помещение для взвешивания в данном случае сена) размещалась на территории усадьбы Рейхеля, до революции занимавшегося разведением племенного скота. Александр Иванович вспоминает то, как дедушка провел его по частично сохранившемуся дому помещика Рейхеля, где его восхищение вызвал необыкновенной красоты паркетный пол, частично засыпанный сеном, которое дедушка аккуратно сдвигал ногой. Коммунары, по воспоминаниям Козырева, первые начали складывать сено в части комнат дома. Обращаясь к рассказам дедушки и бабушки, автор «Очерка» рассказывает о послереволюционных событиях, имевших характер повседневных. И это не только разорение коммунарами в течение трех лет усадьбы и дома помещика, но и жестокое убийство Рейхеля, а также убийство престарелого священника Бродской церкви, прадедушки А.И.Козырева по линии отца.

Прошлое для автора было вещественным и одновременно духовным. Повседневное — это не только вещный, осязаемый мир, но и озерница, леший, домовый, о которых рассказчик узнает от бабушки. Они часть повседневной культуры жителя деревни и действующие лица той истории. В той жизни есть и вневременное, касающееся больше духа, — это природа, ее неповторимые пейзажи (райская красота природы), оцененные восторженной душой автора. Это и купание молодежи, каким его увидел мальчик (будущий автор текста). Нагие, не стесняющиеся голизны, парни и девушки совершают совместное купание. Женщины и матери, которые не скрывают свое тело от детей, и в этом нет ощущения чего-то постыдного или предосудительного. Простая и понятная всякому человеку та, повседневная, жизнь.

Воссоздавая в «Очерке» публичное пространство повседневности своего послевоенного детства, увиденного с позиции человека, работающего на земле, и повседневность тридцатых годов, восстановленную благодаря воспоминаниям старших, А.И.Козырев раскрывает его в каждодневных заботах, в циклической трудовой деятельности, в семейных и человеческих связях, в поэтическом ощущении крестьянского мира. Это, несомненно, важно для понимания крестьянского мира, понимания того, как и чем жила деревня. Автор показывает, что традиция придавала смысл обыденной жизни и праздникам, а разрушение традиции или насаждение новых традиций приводило к утрате смыслов.

Так, Козырев противопоставляет широкое всенародное празднование Рождества Богородицы и официального дня 7 ноября. Этот праздник, отмечавшийся в деревне Петрово, «был скучным, мало народу на улице днем, а вечером из-за темноты и грязи по улицам не ходили». «Популярность этого нового праздника была низкой, хотя ритуальность его копировалась с религиозных. Нового ритуала в деревне придумать не успели», — читаем в «Очерке». Отношение автора к современности критическое. Об этом говорят многие детали и образы текста. Так, Козырев считает, что «Господин телевизор», «распространившееся повсюду радио,

телевидение, газеты изменили речь <...> земляков, сильно обеднив ее». Автор делает вывод: «Привозной хлеб, готовая одежда, развлечения, показываемые по телевизору, превратили мой народ в дикарей, забывших речь, бывшие ремесла, фольклор». В сущности, Александр Иванович Козырев, которому на момент написания «Очерка о жизни Новгородской деревни» было всего 55 лет, при всей настроенности на объективность рассказа создает миф о «старинной» жизни, воплощая в «Очерках» свою мечту о том, что есть норма жизни.

Рассмотренные материалы позволяют увидеть, что в первой трети XX века новгородская деревня, не будучи однородной, больше придерживалась традиций, чем активно впитывала в себя новое. Но традиционные представления, проявляющиеся в повседневности, постепенно ослабевая, оказываются притягательными для сознания индивидуального человека, который, оглядываясь на прошлое, часто идеализирует его, рисуя крестьянский мир как мир гармонии. Так происходит в «Очерке» А.И.Козырева.

Персональный рассказ, к которому мы обращаемся, существующий в письменной форме, и беседы с информантами представляют интерес, так как позволяют рассмотреть процессы, происходившие в общественном сознании и в социокультурном пространстве повседневности новгородской деревни. При авторской установке на документальность в таких текстах заметна избирательность памяти. Прошлое здесь оценивается с позиции прожитой жизни. Для более глубокого понимания динамики повседневности, несомненно, должен быть расширен круг исследуемых источников. Но выбранные нами тексты позволяют понять некоторые особенности повседневности новгородской деревни первой трети XX века.

Работа выполнена при поддержке РФФИ в рамках проекта «Народное христианство в социокультурном пространстве Новгородской земли XX—XXI вв.: исследование динамики феномена на материале архивных и новейших материалов фольклорно-этнографических экспедиций» (проект № 18-49-530002).

1. Новгородский областной словарь / Ин-т лингв. исслед. РАН; изд. подгот. А.Н.Левичкин и С.А.Мызников. СПб.: Наука, 2010. XXVII, 1435 с.
2. Традиционный фольклор Новгородской области (По записям 1963—1976 гг.): Песни, причитания. Л.: Наука, 1979. 350 с.
3. Алексеевский М.Д. К вопросу об определении современного фольклора [Электр. ресурс] // Современный фольклор. Справочное издание. Материалы для обсуждения. М., 2012. URL: <https://freedocs.xyz/doc-147696422> (дата обращения: 01.09.2018).

References

1. Levichkin A.N., Myznikov S.A., eds. Novgorodskiy oblastnoy slovar' [Novgorod regional dictionary]. Saint Petersburg, 2010. XXVII, 1435 p.
2. Traditsionnyy fol'klor Novgorodskoy oblasti (Po zapisyam 1963—1976 gg.): Pesni, prichitaniya [Traditional folklore of the Novgorod region (according to records of 1963—1976): Songs, lamentations]. Leningrad, 1979. 350 p.
3. Alekseevskiy M.D. K voprosu ob opredelenii sovremennogo fol'klora [On the question of the definition of modern folklore]. Sovremennyy fol'klor. Spravochnoe izdanie. Materialy dlya obsuzhdeniya. Moscow, 2012. Available at: <https://freedocs.xyz/doc-147696422> (accessed: 01.09.2018).

Berdyayeva O.S. Daily life of the Novgorod village, 1900—1930: the “old” and the “new”. This article analyzes, based on the archive recordings, dynamic processes of the everyday life in Novgorod village, 1900—1930. Interviews with the villagers, as well as their memoirs, show that rural daily life is slow to change and traditional views remain as principle for the peasants. On one hand, we see daily life as a series of harsh workdays. On the other hand, as in Kozыrev's “Essay”, routine is idealized and shown as a world of harmony and recommended norm.

Keywords: daily life, tradition, folklore, memoirs, oral history.

Сведения об авторе. О.С.Бердяева — доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, bos4@mail.ru.
Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 15.11.2018.